

С. А. Чаркин

КЛАССИФИКАЦИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

В статье рассматриваются существующие в научной литературе точки зрения на классификацию земельных правоотношений. В результате автор применяет существующие в теории государства и права подходы к классификации земельных правоотношений и аргументирует вывод о неприменимости к земельным правоотношениям отдельных звеньев существующей общетеоретической классификации правоотношений.

Ключевые слова: правоотношение, нормы права, земельный фонд, право собственности на земельный участок, управление земельным фондом, ответственность за земельные правонарушения, регулятивные и охранительные правоотношения.

S. A. Charkin

CLASSIFICATION OF LAND LEGAL RELATIONS

In the article the author focuses on the points of view which can be found in scientific literature and related to the classification of land legal relations. As a result, the author applies the approaches existing in the theory of law and state to the classification of land legal relations. He gives grounds for the conclusion that particular links of the general theoretical classification of legal relations are not applicable to land legal relations.

Keywords: legal relationship, norms of law, land fund, land title, land fund management, responsibility for land offences, regulatory and protective legal relations.

Земельное правоотношение — это урегулированная правом внешняя сторона общественных отношений в области использования, управления и охраны земель, субъекты которых обладают соответствующими субъективными правами и юридическими обязанностями, а их реализация гарантирована возможностью применения мер государственного принуждения.

В настоящий момент серьезные исследования по проблемам теории земельных правоотношений, а также их классификации почти отсутствуют.

В переводе с латыни «классификация» — это «группирование». Как отмечается в научной литературе, «классификация как процедура является частным случаем логической операции деления объема понятий, которая заключается в делении родового понятия некоторой совокупности предметов... на виды, классы или типы... на основе их общих признаков с образованием определенной системы классов

данной совокупности предметов, фиксирующей закономерные связи между ними и определяющей постоянно местоположение классов (видов, типов) в системе (классификация как система). Общие признаки, в соответствии с которыми производится деление, называются основаниями деления. В теории классификации одной из важных характеристик признаков является ясность — понимание признака, успешная его интерпретация предполагают знание его смысла и его детонации, т. е. того, что он обозначает. Если смысл признака определен отчетливо и однозначно, признак называют содержательно ясным или просто ясным; если обозначаемое признаком четко очерчено, говорят, что признак точен» [1].

В теории государства и права достаточно много подходов к классификации правоотношений. Наряду с отраслевым делением (конституционные, гражданские, уголовные и т. д.) предлагается различать материальные и процессуальные правоотношения (иногда частные

и публичные); по критерию функций права — регулятивные (активного и пассивного типа) и охранительные; по степени индивидуализации субъекта — общие (общерегулятивные) правоотношения, субъекты которых не индивидуализированы, и конкретные (относительные и абсолютные).

По степени сложности различают простые правоотношения — между двумя субъектами, связанные с реализацией предписания одной нормы права (отношения по поводу заключения мелкой бытовой сделки), и сложные — отношения между несколькими субъектами, складывающиеся в процессе реализации комплекса юридических норм, объединенных единым целевым назначением (правоотношения в сфере правосудия). Выделяют также кратковременные и долговременные правоотношения [2].

По мнению Н. Н. Вопленко, существуют следующие виды правоотношений: простые и сложные; регулятивные и охранительные; материальные и процессуальные; активные и пассивные; конкретные и общие; абсолютные и относительные. Дополнительно к этим общепризнанным классификациям он предлагает также выделять правоотношения первичные и вторичные; добровольные и обязательные; правомерные и противоправные [3].

Заметный вклад в развитие общей теории правоотношений внесли представители отраслевых наук. Так, А. П. Коренев с позиций административного права предложил по критерию соотношения прав и обязанностей участников подразделять административно-правовые отношения на две группы:

1) отношения, в которых *один из участников подчинен другому (вертикальные правоотношения)*. Они возникают, например, между вышестоящими и нижестоящими органами государственного управления, между соподчиненными структурными подразделениями аппарата органов государственного управления, между соподчиненными должностными лицами;

2) отношения, участники которых *не находятся в подчинении друг у друга (горизонтальные правоотношения)*. Они складываются между несоподчиненными органами государственного

управления, предприятиями, учреждениями, объединениями, служащими, а также между гражданами. Горизонтальные административно-правовые отношения могут возникать также между органами государственного управления и их должностными лицами и гражданами. Такие отношения возникают в связи с реализацией гражданами прав в сфере управления. Субъекты этих правоотношений не связаны с подчиненностью. Праву гражданина обращаться в орган управления с просьбой или заявлением соответствует обязанность органа принять заявление и рассмотреть его в установленный срок. Государственному управлению, в основе которого лежат демократические принципы, свойственны отношения сотрудничества органов исполнительной власти, органов государственного управления с гражданами [4].

Представители цивилистической науки предлагают по характеру взаимосвязи управомоченного и обязанного субъектов различать абсолютные и относительные правоотношения; по объекту разделять правоотношения имущественного и неимущественного характера; по способу удовлетворения интересов управомоченного лица — вещные и обязательственные правоотношения. Кроме того, предлагается выделять правоотношения, элементом содержания которых являются корпоративные и преимущественные права [5].

Наибольшие дискуссии в течение долгих лет вызывала (и продолжает вызывать) конструкция общерегулятивных правоотношений. Наличие общих правоотношений еще в 60-х гг. XX в. обосновывалось в работах С. С. Алексеева, Н. В. Витрука, Н. И. Матузова, В. С. Основина, И. О. Рябко, И. Сабо, И. Е. Фарбера и др. Оппонентами данной концепции выступали В. К. Бабаев, А. Б. Венгеров, Ю. И. Гревцов, А. С. Пиголкин. Как правило, весьма настороженно к общим правоотношениям относятся цивилисты, поскольку с подобными образованиями представители гражданского права практически не сталкиваются. Зато общие правоотношения безоговорочно признают конституционалисты.

Данная конструкция помогает им решать многие теоретические и практические вопросы своего предмета, что отмечалось в трудах В. А. Ржевского, Н. А. Бобровой, Ю. П. Еременко, Т. Д. Зражевской, Л. Д. Воеводина, О. Е. Кутафина, В. О. Лу-чина, Ф. М. Рудинского, Б. С. Эбзеева и др. [6].

По мнению Н. И. Матузова, различия между конкретными и общими правоотношениями заключаются в том, что если первые связаны в основном с такой формой реализации юридических норм, как *применение*, то вторые — с тремя остальными: *соблюдением, исполнением и использованием*. Конкретные правоотношения носят *правоприменительный* характер, а общие — *правоохранительный* и *правообеспечительный*.

В рамках последних соблюдаются правовые запреты, исполняются обязанности, используются естественные права. Таким образом, первая универсальная форма реализации права (соблюдение) осуществляется не помимо, а в рамках право-отношений, только *общего, статусного* характера. Данные правоотношения именуются общими еще и потому, что их участниками являются все граждане как носители общих для всех основных прав и обязанностей, тогда как субъектами конкретных правоотношений выступают далеко не все и не одновременно [6, с. 133—135]. На наш взгляд, последняя позиция заслуживает одобрения и поддержки.

Не менее дискуссионным продолжает оставаться вопрос об обоснованности деления правоотношений на относительные и абсолютные, предложенного еще в 20-е гг. прошлого века В. К. Райхером [7]. По мнению В. С. Нерсисянца, сторонники такого деления «явно смешивают, во-первых, абстрактные права и обязанности с конкретными субъективными правами и юридическими обязанностями, а во-вторых, конкретные субъективные права (конкретное право собственности, конкретное право авторства), конкретные юридические обязанности (права-обязанности) конкретного государственного органа (должностного) лица пресечь конкретное правонарушение — с соответствующими правоотношениями, в рамках которых эти конкретные субъективные права и юридические

обязанности либо уже приобретены и созданы, либо будут осуществлены и исполнены. Так что тут смешиваются и совершенно разные конкретные правоотношения, в одних из которых конкретные субъективные права и конкретные юридические обязанности приобретаются и создаются, а в других — осуществляются и исполняются» [8].

С нашей точки зрения, разделение абсолютных и относительных правоотношений является обоснованным, поскольку реализация ряда субъективных прав и обязанностей происходит в условиях, когда обе стороны правоотношения конкретно не определены (отношения собственности на земельные участки). В таких случаях конкретному собственнику противостоит неопределенный круг обязанных лиц, которые должны пассивно воздерживаться от нарушений его прав и законных интересов (не производить самовольный захват земли, не устраивать несанкционированных свалок и т. д.). Таким образом, речь идет о реализации норм права в рамках особых правоотношений, которые и получили название абсолютных. Другое дело, что нуждается в уточнении круг неопределенно-обязанных (пассивных) субъектов абсолютных правоотношений. В этом смысле Ю. К. Толстой обоснованно писал о необходимости сужения круга таких субъектов до лиц, подчиненных данной системе правопорядка, а В. А. Тархов предлагал понимать под ними только тех, которые имеют фактическую возможность нарушения прав собственника [9].

В рамках земельно-правовой науки одну из первых классификаций земельных правоотношений предложил Г. А. Аксененко, подразделивший их на правоотношения земельной собственности (исключительной государственной собственности на землю) и правоотношения использования земель [10]. По мнению В. С. Якушева, к земельным правоотношениям относятся не только отношения, объектами которых являются земля, недра, леса и воды, но и животный мир, естественная растительность и атмосферный воздух [11].

Последняя (широкая) трактовка земельных правоотношений вызывает сейчас (и вызывала

в период действия советского права) ряд возражений. Главное из них заключается в том, что в условиях действия советского права имелись все основания говорить о существовании природоресурсового права, подотраслями которого являлось горное, лесное, земельное право и т. д. Считать принадлежностью земельного участка животный мир и атмосферный воздух нет никаких оснований ввиду того, что данные природные ресурсы невозможно отграничить на местности и осуществлять в отношении них правомочие владения. А раз это так, то ни о какой «принадлежности» одного природного ресурса другому не может быть и речи. Данный вывод подтверждает и анализ земельного законодательства (как советского, так и современного), никак не регулирующего вопросы недропользования, лесопользования, пользования атмосферой или животным миром и т. д.

В. В. Петров предлагал классифицировать земельные правоотношения в зависимости от их содержания по основным институтам земельного права. В итоге у него получилось четыре вида земельных правоотношений: правоотношения собственности на землю; государственного управления землями; в области использования земель и охраны земельных прав [12].

Примечательно, что В. В. Петров (как и Г. А. Аксененко) прямо не выделял отношения по охране земель. Они лишь частично присутствовали во второй группе (управление земельным фондом) в составе иных функций (например, государственного контроля за использованием и охраной земель).

И. О. Краснова предлагает проводить классификацию земельных правоотношений по основным институтам земельного права и выделяет правоотношения собственности на землю, землепользования, государственного управления землями, правоотношения в области охраны земель и правоотношения юридической ответственности [13]. В данном случае следует заметить, что право собственности может возникать не на землю, а только на земельный участок. Кроме того, «землепользование» — это право постоянного

(бессрочного) пользования земельным участком, т. е. только один из титулов правообладателя земельного участка. Но тогда непонятно, куда отнести иные виды прав на земельный участок (например, право аренды).

Е. В. Сырых выделяет четыре группы земельных отношений: публичные земельные отношения; частные земельные отношения; управленческие отношения, связанные с землей; имущественные отношения, связанные с землей [14]. При таком подходе, однако, остается не совсем понятным, почему управленческие отношения не входят составной частью в публичные отношения, а имущественные отношения не поглощаются (хотя бы частично) частными отношениями. При этом отношения по охране земель входят в состав «публичных отношений» вместе с правом общего землепользования.

Примечательно, что в параграфе 5 главы 4 «Виды правоотношений, связанных с землей» учебника по земельному праву Е. В. Сырых упоминаются частные, управленческие и имущественные отношения, которые классифицируются на подвиды, а публичные земельные отношения на подвиды не разделяются, поскольку их состав «достаточно прост и однообразен, поэтому выделение видов таких отношений представляется нецелесообразным» [14, с. 61].

Е. С. Болтанова предлагает свою, заслуживающую отдельного упоминания классификацию. В зависимости от содержания она выделяет четыре основные группы земельных правоотношений: правоотношения собственности на землю; правоотношения по использованию земельных участков на правах, производных от права собственности; правоотношения в сфере управления земельными ресурсами; охранительные правоотношения. В зависимости от характера земельные правоотношения предлагается подразделять на материальные, процедурные и процессуальные [15]. На наш взгляд, данная классификация не лишена недостатков.

Во-первых, если говорить о содержании использования земельных участков, то объем

прав и обязанностей как собственников, так и землепользователей или арендаторов практически одинаков (ст. 40—42 ЗК РФ). Все отличия здесь будут заключаться только в необходимости (или даже самой возможности) вторичного пользователя передать третьему лицу не принадлежащий ему на праве собственности земельный участок (например, арендатору передать участок в субаренду). Однако эти отличия касаются не *содержания* использования земельного участка, а *процедуры распоряжения им*.

Во-вторых, под охранительными правоотношениями указанный автор понимает правоотношения, возникающие в результате совершения земельного правонарушения. Тем самым из классификации полностью выпадают отношения в сфере охраны земель, с чем невозможно согласиться.

В-третьих, процедурные земельные правоотношения, по мнению Е. С. Болтановой, возникают в сфере управления землей и проявляют себя, например, при предоставлении земельных участков. С таким подходом трудно согласиться потому, что в данном случае речь идет о реализации норм материального права, предусматривающих, например, право гражданина на предоставление ему земельного участка. Свои «процедуры» существуют и в рамках процессуальных правоотношений, но отдельно автором не выделяются. Думается, что в данном случае Е. С. Болтанова попыталась уместить в одну классификацию ряд разноплановых правовых процессов и явлений: статику нормы права и динамику ее непосредственной практической реализации.

В-четвертых, говорить о процессуальных земельных правоотношениях является не совсем корректным, поскольку нормы земельного права не регламентируют никакие процессуальные особенности защиты земельных прав, оставляя эту функцию соответствующим нормам процессуального права.

По мнению Е. П. Симаевой, земельное право регулирует следующие группы общественных отношений: 1) общественные отношения, складывающиеся по поводу установления основ пра-

вового регулирования земли и земельных участков; 2) общественные отношения, возникающие в связи с использованием земли как природного объекта и природного ресурса в государственных и национальных интересах; 3) общественные отношения, возникающие в связи с разделом и использованием земельного участка в частных интересах (земельно-имущественные отношения); 4) общественные отношения, складывающиеся по поводу охраны земли и земельных участков; 5) общественные отношения, возникающие в связи с регистрацией земельного участка, приватизацией земли и переводом земель из одной категории в другую; 6) общественные отношения, связанные с защитой прав на землю; 7) общественные отношения, складывающиеся по поводу осуществления контроля за соблюдением земельного законодательства [16].

С данным подходом нельзя согласиться. На наш взгляд, «основы правового регулирования земли» устанавливают нормы не земельного, а конституционного права; непонятно, чем «государственные интересы» отличаются от «национальных интересов»; в состав некоторых групп классификации включены отношения, имеющие совершенно различную юридическую природу. Например, совершенно невозможно понять, что общего у отношений приватизации земельного участка (частно-публичные отношения) с отношениями по переводу земель из одной категории в другую (публичные отношения). Почему функции управления земельным фондом (перевод земель из одной категории в другую и государственный земельный контроль) попали в разные группы общественных отношений? Остается открытым и вопрос о том, в какую группу попадут отношения по «разделу и использованию» земельного участка не в частных, а в публичных интересах. Общая же оценка данной классификации невысока ввиду отсутствия в ней ясных и объективных критериев отделения одних видов земельных правоотношений от других.

Е. А. Галиновская предлагает выделять несколько групп земельных правоотношений. Так, в зависимости от обеспечиваемых нормой закона интересов в использовании земли она различает:

правоотношения по использованию земельных участков в соответствии с установленными ЗК РФ категориями земель и видами разрешенного использования; по поводу застройки земельных участков; по поводу сделок с земельными участками.

В зависимости от правовой формы обеспечения конкретных интересов в использовании земли, она выделяет правоотношения по поводу: права собственности и иных прав на землю; охраны земель; землеустройства; кадастрового учета и государственной регистрации прав на земельные участки; земельного контроля; ответственности за земельные правонарушения [17].

Данная классификация не лишена отдельных дискуссионных аспектов. Во-первых, застройка земельных участков есть частный случай их использования в соответствии с видами разрешенного использования, предусмотренными земельным и градостроительным законодательством. Следовательно, второе звено классификации есть частный случай первого. Во-вторых, большинство сделок с земельными участками не имеют никакого отношения к «интересам в использовании земли», а, скорее, относятся к интересам по получению прибыли от распоряжения земельным участком. В-третьих, землеустройство, кадастровый учет, регистрация, земельный контроль — это частный случай родовой группы — публичного управления земельным фондом.

Наконец, по критерию содержания прав и обязанностей субъектов земельных отношений предлагается различать: имущественные отношения, в сфере управления земельными ресурсами и охраны земель, возникающие при использовании земель различных категорий [18]. На наш взгляд, это одна из наиболее оптимальных классификаций по содержательному признаку.

Проанализировав существующие в общей теории государства и права, а также отраслевых науках (включая земельное право) методологические подходы к классификации правоотношений, сформулируем и нашу позицию.

Земельные правоотношения бывают *регулятивные* и *охранительные*. Необходимо различать общерегулятивные и конкретные правоотношения.

Общерегулятивные правоотношения, обусловленные реализацией конституционных норм и не имеющие конкретных участников, встречаются в земельной сфере довольно часто и являются следствием реализации конституционного права каждого на благоприятную окружающую среду. Эта конструкция получила название «право общего природопользования» и означает право граждан дышать воздухом, потреблять чистую питьевую воду, беспрепятственно находиться на землях лесного и водного фонда и т. д.

Как отмечал С. С. Алексеев, «общему праву всегда корреспондируют определенные юридические обязанности, а общим обязанностям — определенные субъективные юридические права. Если не видеть, что общим правам на положительные действия корреспондируют обязанности воздерживаться от нарушения субъективных прав, а общим обязанностям — право требования исполнения этих обязанностей, то окажется совершенно непонятным, в чем состоит социальный и юридический характер субъективных прав и обязанностей» [19]. Применительно к приведенному нами выше примеру юридическая обязанность состоит в том, чтобы не препятствовать гражданам пользоваться природными ресурсами. Она предусмотрена для неопределенного круга граждан и органов государственной власти и местного самоуправления (например, не создавать препятствий для сбора грибов и ягод в лесу).

В зависимости от типа юридической обязанности *регулятивные* земельные правоотношения классифицируются на правоотношения *активного типа*, когда от обязанного лица требуется совершение активных действий (уплата земельного налога, внесение минеральных удобрений), и *пассивного типа*, субъекты которых обязаны воздерживаться от совершения определенных действий (например, не устраивать несанкционированных свалок).

Регулятивные земельные правоотношения подразделяются на абсолютные и относительные.

Типичным примером *абсолютных* правоотношений являются отношения собственности на земельный участок, когда есть лицо с конкретным набором субъективных прав по отношению к нему, и совокупность неперсонифицированных субъектов, обязанных не нарушать его права. Особо выделим одну из разновидностей абсолютных правоотношений — правоотношения неразграниченной государственной собственности на землю, когда нет ни конкретного субъекта, ни объекта земельных отношений, зат. е. субъективные права и обязанности у органа государственной власти (местного самоуправления) по формированию и последующему распоряжению соответствующим участком. Заметим также, что абсолютные правоотношения возникают только с множественностью пассивно обязанных лиц.

Относительные земельные правоотношения — это двусторонне индивидуализированные правоотношения, в которых управомоченному лицу противостоит не любой, а только вполне определенный субъект, обязанный совершать или не совершать определенные действия. Основная масса земельных правоотношений — это относительные правоотношения, что обусловлено методом властных предписаний с опорой на позитивные обязывания, доминирующие в земельном праве. Управомоченному лицу в данном случае противостоит четко определенное обязанное лицо. К таковым относятся договорные отношения (купля-продажа, аренда, дарение земельных участков), ряд управленческих отношений (по кадастровому учету, межеванию и т. д.), правоотношения ответственности за земельные правонарушения и т. д.

Практическое разграничение абсолютных и относительных правоотношений состоит в том, что при нарушении абсолютного права меры защиты и ответственности могут быть применены к любому нарушителю, а при нарушении относительного права может отвечать только строго определенное лицо, обязанное своими действиями удовлетворять интересы управомоченного. При этом в законодательстве формируется два самостоятельных блока гражданско-правовых мер защиты: один — предназначенный для защиты

абсолютных прав, другой — для защиты относительных прав [5].

Охранительные земельные правоотношения возникают вследствие неправомерного поведения субъектов как реакция общества, государства, других граждан на такое поведение. Их целью является охрана существующего земельного правопорядка, создание условий для нормального осуществления любыми субъектами своих земельных прав и обязанностей, их защита в случае нарушения и наказание правонарушителя. В рамках охранительных отношений ответчик возмещает материальный ущерб, причиненный земельному участку истца, на земельного правонарушителя налагается штраф, виновный в порче земель привлекается к уголовной ответственности и т. д.

Простые земельные правоотношения встречаются довольно редко потому, что «простое» правоотношение — это то, в котором у одной стороны есть одно право, а у другой стороны — одна обязанность. В качестве таковых можно упомянуть право гражданина направить запрос в Росреестр о предоставлении общедоступной кадастровой информации (ст. 14 Федерального закона «О государственном кадастре недвижимости» от 24 июля 2007 г.) и обязанность данного органа публичной власти такую информацию предоставить. Однако большинство как частноправовых (например, договорные отношения аренды по поводу конкретного земельного участка), так и публично-правовых (управления земельным фондом) отношений характеризуются большим числом субъектов и сложной взаимосвязью между ними.

При этом заметим, что «сложность» таких земельных правоотношений может ощутимо различаться. «*Одинарно сложным*» будет являться правоотношение купли-продажи дачного участка между двумя гражданами. В сравнении с ним «*двукратно сложным*» будет являться правоотношение по продаже органом государственной власти или местного самоуправления земельного участка в собственность (аренду) на торгах коммерческому юридическому лицу для строительства многоквартирного дома (ст. 38.1 ЗК РФ) или

правоотношение по защите в суде нарушенных земельных прав граждан.

Классификация земельных правоотношений на *частные* и *публичные* год от года теряет свой познавательный смысл ввиду стирания граней между частными и публичными отношениями, «перетекания» их друг в друга.

Классификация земельных правоотношений на *краткосрочные* и *долгосрочные* имеет значение, когда с истечением срока закон связывает наступление правовых последствий. Так, согласно п. 7 ст. 22 ЗК РФ земельный участок может быть передан в аренду для государственных или муниципальных нужд на срок не более чем один год; в соответствии с п. 3 ст. 72 ЛК РФ договор аренды лесного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, заключается на срок от десяти до сорока девяти лет.

Все земельные правоотношения (собственности, договорные, управленческие, землеохранные и т. д.) являются *материальными*. *Процессуальные* правоотношения возникают в случае защиты прав на земельный участок в гражданском или арбитражном процессе, привлечении правонарушителя к административной или уголовной ответственности и т. д. и регламентируются нормами не земельного, а иных (процессуальных) отраслей права. Признание «процессуальных земельных» правоотношений будет означать отсутствие самостоятельности отраслей процессуального права, с чем нельзя согласиться. При этом мы полагаем невозможным выделение «процедурных» правоотношений, которые по своему содержанию при более внимательном рассмотрении окажутся либо материальными, либо процессуальными.

Наконец, исходя из отраслевого содержания, земельные правоотношения можно классифицировать на правоотношения собственности и иных прав на земельные участки; правоотношения по управлению земельным фондом; оборота земельных участков; охраны земель; ответственности за земельные правонарушения. Данная классификация совпадает с основными институтами общей части

земельного права. По критерию категории земель, в рамках которой возникают те или иные земельные правоотношения, можно выделить семь групп правоотношений, совпадающих с выделяемыми ЗК РФ видами категорий земель в земельном фонде Российской Федерации.

Список библиографических ссылок

1. Ермак В. Д. Классификация?.. Типология... Идентификация!.. [Электронный ресурс]. URL: [http:// ru.laser.ru/socion](http://ru.laser.ru/socion) (дата обращения: 27.05.2011).
2. Ромашов Р. А. Теория государства и права: учеб. пособие. М., 2002. С. 106; Проблемы общей теории права и государства: учебник / под общ. ред. В. С. Нерсисянца. М., 1999. С. 370—372; Теория государства и права: учебник / под ред. А. С. Мордовца, В. Н. Синюкова. М., 2005. С. 307—308; Теория государства и права: учебник / под ред. П. В. Анисимова, И. В. Ростовщикова. Волгоград, 2002. С. 122—123; и т. д.
3. Вопленко Н. Н. Очерки общей теории права: монография. Волгоград, 2009. С. 587.
4. Коренев А. П. Административное право России: учебник: в 3-х ч. Ч. 1. М., 1997. С. 56—57.
5. Гражданское право: учебник. Т. 1 / отв. ред. Е. А. Суханов. М., 1998.
6. Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2004. С. 128, 133—135.
7. Райхер В. К. Абсолютные и относительные права (к проблеме деления хозяйственных прав) // Известия экономического факультета Ленинградского политехнического института. Вып. I (XXV). Л., 1928. С. 46.
8. Нерсисянец В. С. Общая теория права и государства: учебник. М., 2000. С. 516.
9. Толстой Ю. К. К теории правоотношения. Л., 1959. С. 77; Тархов В. А. Гражданское правоотношение. Уфа, 1993. С. 54.
10. Аксененок Г. А. Земельные правовые отношения в СССР: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1955. С. 12.
11. Якушев В. С. Методы и принципы регулирования земельных отношений // Правоведение. 1961. № 4. С. 75—76.
12. Земельное право России: учебник / под ред. В. В. Петрова. М., 1997. С. 59—60.
13. Краснова И. О. Земельное право. Элементарный курс. М., 2001. С. 30.
14. Сырых Е. В. Земельное право: учебник. М., 2004. С. 50, 61.
15. Болтанова Е. С. Земельное право: учебник. М., 2009. С. 62—64.
16. Симаева Е. П. К вопросу о разграничении предмета природоресурсного права и земельного права // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5. Юриспруденция. 2010. № 1. С. 76.
17. Галиновская Е. А. Теоретические и методологические проблемы земельных правоотношений: монография. М., 2009. С. 197.
18. Земельное право: учеб. пособие / под ред. К. Г. Пандакова. Саратов, 2010. С. 24.
19. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. С. 142.